

Виктор Курочкин

На войне как на войне (фрагмент)

Незабвенному другу Ванюше Кошелкину посвящаю эту повесть.

Двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот сорок третьего года Первый Украинский фронт перешел в наступление. На участке Радомысль – Брусилов оборону немцев прорывала 3-я Гвардейская танковая армия. Первые три дня самоходный полк полковника Басова находился в резерве начальника артиллерии 6-го Гвардейского танкового корпуса.

Самоходки закопались в лесу, куда они прибыли еще за два дня до начала наступления. Лес этот младший лейтенант Малешкин – командир СУ-85 – считал ни с чем не сравнимым убожеством. Немецкие летчики с артиллеристами так его обработали, что он просматривался насквозь – и с боков, и сверху.

Две ночи экипаж Сани Малешкина сидел под машиной в яме, около танковой печки. В яме было невыносимо жарко, и дым безжалостно выедал глаза. Огонь в печке надо было поддерживать все время. Таков был приказ командира полка.

Последнюю ночь Саня не смыкал глаз до утра. Дежурство у печки он побоялся доверить даже заряжающему – ефрейтору Бянкину, самому опытному и толковому бойцу экипажа. Накануне в полку произошло ЧП. Экипаж Саниного приятеля лейтенанта Пашки Теленкова так усердно топил печку, что раскалил днище машины. Дюритовые соединения на трубопроводах обуглились и лопнули. Из мотора и баков вытекло все масло и горючее. Если бы полк не задержался в лесу еще на сутки по каким-то неизвестным Сане Малешкину причинам, Теленкову могли бы приписать умышленную порчу машины перед боем и отправить его в штрафную роту. Но Пашку пощадили. Впрочем, Пашка – парень действительно отчаянный, смелый, а самоходку вывел из строя потому, что уснул с экипажем и чуть сам не сгорел.

Младший лейтенант Малешкин подогревал свою самоходку осторожно и все время беспокойно ощупывал днище под мотором. По мнению Сани, температура была в самый раз, чтоб мотор

завелся в одну секунду и самоходка, выскочив из ямы, ринулась в бой.

На войне младшему лейтенанту Малешкину пока что ужасно не везло. Вот уже полгода как он на фронте, а еще не выпустил по врагу ни одного снаряда. На своей самоходке Саня догонял немцев по пыльным дорогам Полтавщины вплоть до Днепра. И вот тут ему, казалось, улыбнулось счастье. Но увы! Оно только улыбнулось – не больше. Во время переправы на Буклинский плацдарм, когда Санина самоходка уже вскарабкалась на паром, немец, словно нарочно, пустил всего лишь один снаряд, и он плюхнулся у парома. Никто не пострадал, кроме Малешкина. Осколком снаряда, словно гигантским топором, обрубило у пушки конец ствола. Нелепейший случай! А не будь его, Саня переправился бы на ту сторону реки и наверняка стал бы героем. По крайней мере он так думал. Впрочем, кто знает, может, и стал бы. В приказе командующего фронтом значилось, что первый воин – пехотинец, танкист, артиллерист, – ставший ногой на правый берег Днепра, получает звание Героя Советского Союза. А ведь Санина машина переправлялась первой.

Самоходку Малешкина стащили с парома и поволокли в тыл менять пушку. Ребята воевали, дрались за Киев, а он все это время сидел около пустого корпуса своей самоходки. За это Пашка Теленков присвоил ему звание «корпусного генерала». Оно так прилипло к Малешкину, что теперь редко кто называл его младшим лейтенантом.

Очередного наступления Малешкин ждал с нетерпением и твердо был уверен, что в конце концов он покажет себя. Всю эту длинную декабрьскую ночь Саня подогревал машину, размышляя о своей злосчастной судьбе, думал о предстоящих боях и мечтал об ордене. У всех ребят в полку были ордена, у Пашки Теленкова – три. А у Малешкина – ни медали, ни значка.

Под утро Саня чуть-чуть прикорнул и был разбужен зычным голосом комбата:

– Командиры машин, ко мне!

– Подымайся! Живо! – закричал Саня на свой экипаж, который вповалку спал на дне ямы.

Командир четвертой батареи капитан Сергачев в белом полушубке, туго стянутом ремнями, нетерпеливо постегивал прутиком по голенищу хромового сапога.

– Гвардии младший лейтенант Малешкин по вашему приказанию явился! – прокричал Саня, приложив к ушанке черную, как у трубочиста, руку.

Сергачев не то с удивлением, не то с презрением посмотрел на Малешкина.

– Шапку поправь, разгильдяй.

Саня схватился обеими руками за шапку, повернул ее на сто восемьдесят градусов, перетащил с бока на живот пряжку ремня и, став по стойке «смирно», без страха ел глазами командира. Весь его вид говорил: «Смотри, комбат, какой я сегодня молодец, не только шапку, но и ремень поправил».

Подбежал лейтенант Теленков и тоже доложил, что он явился.

– Машина готова? – вместо приветствия спросил комбат.

– Так точно, товарищ капитан! Всю ночь работали.

– Скажи мне спасибо, а то бы наверняка тебя под трибунал закатали.

Легко подпрыгивая, прибежал младший лейтенант Чегничка, стукнул каблуками и ловко вскинул к бровям руку. За ним не торопясь, развалисто подошел лейтенант Беззубцев и небрежно махнул рукой. Этого угрюмого, широкоплечего офицера на батарее побаивались и уважали. Он всем им годился в батьки, обладал невероятной силой и удивительным спокойствием. У Беззубцева была тяжелая нижняя челюсть, исковерканная осколком, квадратный нос и крохотные колкие глаза. Вздувшаяся на лбу синяя вена, словно веревка, стягивала его мысли. Вероятно, поэтому Беззубцева считали тугодумом.

Сергачев внимательно осмотрел свой комсостав и, кривя тонкие губы, усмехнулся:

– Ну и видик! От одного вашего вида немцы разбегутся куда попало.

– Пусть разбегаются. Мы к ним не на блины собрались, – проворчал лейтенант Беззубцев.

Малешкин, чтоб сгладить столь неучливое отношение угрюмого Беззубцева к комбату, радостно воскликнул:

– Вы б посмотрели, товарищ капитан, на моего механика-водителя. Вот это видик! Черт чертом. Словно его из пекла вытащили.

Сергачев на столь важное замечание Малешкина не обратил внимания и приказал приготовить карту.

– А у меня ее нет, – пожаловался Саня.

– У тебя никогда ничего нет, – заметил комбат.

– А я виноват, что мне ее не дали? – обиженно протянул Малешкин.

Сергачев отлично знал, что Малешкину карты не досталось, и все же не упустил случая упрекнуть его в разгильдяйстве.

– Отмечаем по карте маршрут движения. Младший лейтенант Малешкин, достаньте бумажку и записывайте...

Саня схватился за сумку, которая болталась сбоку, и стал торопливо ее расстегивать. В сумке бумажки не оказалось. Вообще в ней ничего не было, кроме трех кружков печенья – остаток дополнительного пайка, который он вчера получил и вместе с экипажем в один присест уничтожил. Саня об этом знал и в сумку полез просто так, для отвода глаз комбата.

Сергачев перечислял села, мимо которых они должны были ехать, и названия их были очень знакомые: все те же Каменки, Боярки, Городища, Барановки. А сколько их за полгода проехал на своей самоходке младший лейтенант Малешкин! Потом мысли Сани перекинулись на самого себя. Он с тоской размышлял о том, отчего ему так не везет в жизни. Все над ним насмехаются, подтрунивают, что ни случись в полку – все сразу почему-то вспоминают Малешкина. До чего дошло – карты ему не дали! Всем хватило, даже командиру автоматчиков, а командиру машины, основной боевой единицы в полку, не досталось. А зачем этому автоматчику карта? Ведь он со своим взводом только и делает, что штаб охраняет.

Горестные размышления младшего лейтенанта Малешкина прервал голос комбата:

– Вопросы будут?

Саня вздрогнул и непроизвольно громко выпалил:

– Вопросов нет. Все ясно, товарищ капитан.

Пашка Теленков захохотал. Даже мрачный Беззубцев заулыбался, и хмурое лицо его стало необыкновенно ласковым и добродушным. Капитан Сергачев показал Малешкину кулак.

– На подготовку и завтрак – двадцать минут.

Когда Малешкин вернулся к своей самоходке, заряжающий с наводчиком сидели наверху машины под брезентом и курили. Они

не обратили на своего командира никакого внимания. Это взорвало Саню.

– Чего сидите? – закричал он. – Встать!

Наводчик с заряжающим вылезли из-под брезента, неуклюже поднялись, переглянулись, пожали плечами.

– А где Щербак?

– На кухню пошел, – ответил наводчик.

– За завтраком, – пояснил заряжающий.

– Я вас не спрашиваю, ефрейтор Бянкин, зачем он пошел. Я спрашиваю, почему Щербак пошел, а не вы? – Саня передохнул. – Сколько раз запрещал отлучаться водителю с наводчиком. Почему не исполняются мои приказания?! – У Сани голос сорвался, и он последние слова просвистел фистулой.

Сержант с ефрейтором опять переглянулись и, как показалось Сане, усмехнулись нарочито оскорбительно.

– Сержант Домешек, прекратите корчить рожи и отвечайте на вопрос: почему не исполняются мои приказания?

Сержант Домешек, тощий одесский еврей с выразительными печальными глазами, принял стойку «смирно». – Не могу знать, товарищ гвардии младший лейтенант.

– Ефрейтор Бянкин, почему не выполняются мои приказания?

– Почему? – Бянкин вздохнул, сдвинул шапку на лоб, со лба опять на затылок и, глядя на командира ясными, невинными глазами, пояснил: – Очень Гришка Щербак любит ходить на эту кухню.

– Даже больше, чем старый еврей в синагогу, – добавил Домешек.

От этого замечания у Сани не дрогнул ни один мускул, хотя кто знает, каких усилий ему это стоило. Он сердито посмотрел на своего наводчика.

– Отставить шуточки, сержант, – и хотел было четким командирским голосом отдать приказ на выступление. Но командирский запал у него уже иссяк. Саня широко улыбнулся и радостно сообщил, что через двадцать минут полк выступает, что наконец-то они выберутся из этого проклятого леса. Однако наводчик с заряжающим не разделили Саниного восторга. Фронтальная жизнь научила их многому, и в первую очередь – не торопиться. Заряжающий с наводчиком стали сворачивать брезент.

Появился Щербак с картонной коробкой, которую он держал перед собой обеими руками. Забыв про брезент, экипаж Малешкина наблюдал, как Щербак осторожно обходит упавшую сосну. Всех, конечно, интересовал не сам Щербак, а картонка. Поставив коробку у ног Сани, Щербак выпрямился, козырнул и, глупо улыбаясь, доложил:

– Водку и энзе выдали, товарищ лейтенант. А чтоб два раза не ходить, я выпросил у чмошников коробку.

Чмошниками солдаты называли хозяйственников. В переводе это слово не выдержит никакой цензуры.

В коробке Щербак приволок два котелка супа, фляжку с водкой, хлеб, сухари, четыре куска сала, четыре банки свиной тушенки и кулек с сахаром. Саня, забыв про свое возмущение, искренне похвалил его за солдатскую смекалку, и экипаж здесь же, на несвернутом брезенте, сел завтракать. Выпили по сто граммов водки, закусили энзеновским салом, принялись за суп. У одного котелка пристроились наводчик с водителем, у другого – Саня с ефрейтором. Осип Бянкии почистил пальцем ложку и, навесив ее над котелком, ждал, когда командир приготовит свою. Но Саня, сколько ни шарил за голенищем, ложки там не находил. Не оказалось ее и в другом сапоге.

– Черт знает куда она девалась, – пробормотал Малешкин, виновато посматривая на Бянкина. – Вчера, ты помнишь, была?

– Наверное, под машиной в яме валяется, – заметил ефрейтор. – Слезить посмотреть?

– Не надо. Я сам. Чего ты смотришь? Жри, – сердито приказал Малешкин и полез под машину.

Минут десять Саня рылся в песке и наконец нашел свою ложку на гусенице под опорным катком. Саня крепко выругался и закричал:

– Эй вы, черти, кто мою ложку под каток засунул?

– Я, наверное, – отозвался Щербак.

– Что же ты мне сразу не сказал?

– Забыл...

И прежняя злость на механика-водителя вспыхнула у Сани с еще большей силой.

– Ты вечно все забываешь. – Саня выполз из-под самоходки и, держа ложку как пистолет, пошел на Щербака. – Я тебе запретил

шляться на кухню. А ты опять забыл? Зачем потащился на кухню, а? Встать, разгильдяй, когда с тобой разговаривают!

Щербак поднялся и, сгорбясь, опустив голову, стоял перед командиром.

– Отвечай: почему пошел на кухню?

– За завтраком.

– А почему ты пошел?

– А кому-то все равно надо было идти.

– Не кому-то, а заряжающему! Я же приказывал!

– Приказывал, – как эхо, повторил Щербак.

– А почему же вы, Щербак, нарушаете мой приказ?

– А Бянкин мне сказал: «Бери котелки и топай на кухню».

– А кто здесь командир? Я или Бянкин? Отвечай мне, кто здесь командир, я или...

– Конечно, вы, товарищ лейтенант. И полно вам ругаться. Рубайте суп, а то совсем холодный будет, – сказал ефрейтор и потянулся к банке с тушенкой.

– Отставить тушенку, ефрейтор Бянкин. Разве вы не знаете, что это неприкосновенный запас! – прикрикнул Саня на заряжающего.

Ефрейтор покидал с руки на руку банку и, вздохнув, бросил ее в коробку. Саня, довольный тем, что Бянкин, которого он, откровенно говоря, побаивался, беспрекословно выполнил его приказание, уже не так грозно смотрел на водителя, и голос его сразу подобрел. Он еще продолжал ругать Щербака, но гнев его теперь звучал как награда собственному самолюбию. Впрочем, ругать Щербака можно было сколько хочешь. Он никогда не возражал, да и не обижался. Он чем-то напоминал старую, задубелую клячу, которую сколько ни бей, сколько ни кричи, она не оглянется и не прибавит шагу.

Бестолковый, неряшливый Щербак стоял, беспомощно опустив руки, и преданно смотрел на командира. Сане одновременно стало жалко водителя и стыдно за свой разнос. Но он не знал, как сменить гнев на милость. Малешкину хотелось сказать Щербаку что-нибудь доброе, теплое, но подходящих слов не находилось. И он сказал:

– Ты бы хоть рожу помыл. А то ведь ужас на кого ты похож.

Щербак понял, что командир выдохся, и охотно согласился после завтрака помыться. Малешкин, доказав, какой он строгий

командир, спокойно уселся хлебать остывший суп. Наводчик с заряжающим переглянулись и, втянув головы в плечи, хихикнули. Экипаж давно раскусил своего командира: вспыльчив, горяч, но отходчив, а вообще мягкий, как лен, хоть веревки вей.

Бянкин, видя, как командир вяло шевелит ложкой, заметил, что баланда сегодня жидковата. Саня, не чувствуя вкуса, утвердительно кивнул головой. Хотя суп был обычный – и наваристый, и довольно-таки густой, – Осип Бянкин ругнул чмошников и, не спуская глаз с командира, вынул из коробки банку свиной тушенки. Подкинул ее, как мяч, поймал и поставил перед Саней. Домешек тоже взял банку и тоже ее подкинул.

– Ни-ни, – замотал головой Саня.

– Ну, товарищ лейтенант! – жалобно протянул Домешек.

Когда экипаж с командиром жил в полном согласии и дружбе, то повышал его в звании и величал лейтенантом.

– По уставу не положено, – сказал Саня.

Бянкин вынул из кармана нож.

– Лейтенант, неравно убьют, так зачем же добру пропадать.

– А если не убьют, то на тетушкином аттестате проживем, – заявил Щербак.

Саня помолчал, вздохнул и махнул рукой. Возражал он не потому, что был такой уж дотошный хранитель уставных норм, а просто потому, что был командир. И если бы заряжающий с наводчиком не проявили инициативы насчет тушенки, то он проявил бы ее сам.

Позавтракав, экипаж закурил и, покурив, нехотя поднялся и стал готовить машину к маршу. Свернули брезент и накрыли им снарядные ящики, которые были штабелем сложены над мотором самоходки. По обеим сторонам машины и сзади, над трансмиссией, лежали толстые бревна, к которым были привязаны бочки с горючим и маслом. Самоходный полк в составе 6-го корпуса 3-й Гвардейской танковой армии после прорыва обороны немцев должен был выйти на оперативный простор. Об этом Малешкину не докладывали, но он сам догадывался, потому как машина его была загружена снарядами и горючим до отказа.

Саня лично проверял крепление бочек и боеукладку. Все было в порядке. Малешкин спрыгнул с машины, критически осмотрел ходовую часть. Ему показалось, что с правой стороны гусеничная лента сильно провисла.

- Гришка! – закричал Саня.
- Чего?
- Подтяни правый ленивец.
- Ладно.

Однако Щербак даже не пошевелился. Он сидел в машине и, не зная, что ему делать, тер пальцем стекло тахометра. Приказ командира донесся до него издалека, как эхо, он так же, как эхо, ответил: «Ладно». Механик-водитель не любил самоходку и боялся ее. Сокровенной мечтой Щербака было перебраться в ремонтную роту. Но перебраться туда не так-то просто, особенно когда сидишь за рычагами машины. «Вот было б счастье, если б фриц закатал болванку в моторный отсек: машине капут, и все живы».

В передний люк просунулось злое лицо Малешкина.

– Ты чего ж сидишь, обормот грязный! Я кому сказал подтянуть гусеницы? Ну, погоди, ты меня выведешь из терпения!

Щербак заторопился, стал искать натяжной ключ, приговаривая:

– Сейчас, сейчас, товарищ лейтенант, все будет в порядке.

Поиски ключа продолжались долго, наконец ключ был найден заряжающим Осипом Бянкиным. Втроем они стали подтягивать ленивец, но ленивец не поддавался: он был натянут до отказа.

– Надо выбрасывать трак, – заявил ефрейтор.

– Надо, – нехотя согласился с ним Щербак.

– Давайте выбрасывать. Бянкин, тащи паука с выколоткой, – приказал Саня.

Бянкин нагнулся, прищурясь, осмотрел гусеницу, ударил по ней каблуком и решительно плюнул:

– И так сойдет, лейтенант.

– А если свалится?

– Хрен свалится, – заявил Бянкин.

Авторитет ефрейтора в экипаже был непоколебим. Малешкин облегченно вздохнул. Выбрасывать траки – грязная и утомительная работа. А Саня с минуты на минуту ждал команду: «Заводи».

– Щербак, у тебя все готово? – отрывисто спросил Саня.

Щербак козырнул:

– Так точно, товарищ лейтенант.

– У тебя, Бянкин?

Заряжающий пожал плечами:

– Мои снаряды всегда готовы.

– Домешек? Где наводчик?

Саня оглянулся. Домешек стоял сзади. Вид его испугал Саню. Вернее, он не увидел самого Домешека. Он увидел длинный белый, как у грача, нос и огромные белки, которые, казалось, вот-вот вывалятся из глазниц. Домешек протянул Сане руку:

– Вот...

– Что это? – спросил Саня.

– Чека... от гранаты.

Саня ничего не понимал, не понимали и Щербак с ефрейтором. Но всем вдруг стало страшно.

– Я проверял в сумках гранаты и не знаю как... вытащил чеку. – Домешек хотел улыбнуться, но вместо улыбки лицо его задрожало и сморщилось.

У Малешкина обмякли ноги, и все вокруг стало нереально маленьким и серым.

– Граната без чеки в сумке? – спросил ефрейтор.

Домешек кивнул и, схватившись за голову, сел прямо в снег.

– Почему же она не взорвалась? – вслух подумал Саня.

– Наверное, трубку взрывателя прижало. А то б она рванула. – И Бянкин зябко поежился.

– Что же теперь делать-то?

Саня по очереди посмотрел на своих ребят. Домешек сидел на снегу и тупо разглядывал ладонь, на которой лежала чека. Щербак, уставясь на самоходку, размазывал по лицу грязь. Ефрейтор Бянкин сворачивал сигарку и никак не мог свернуть: то просыпался табак, то рвалась бумага.

Малешкина сковал ужас. Его самоходка, родной дом, превратилась в огромную глыбу взрывчатки. Малейший толчок – капсуль-детонатор срабатывает, и... Саня закрыл глаза и увидел огромный взрыв, а на месте машины – черную яму. Он невольно попятился.

– Дела так дела, – протянул Бянкин; ему все-таки удалось свернуть папироску и закурить.

Малешкин взглянул на ефрейтора, который жадно глотал дым, и протянул руку. Бянкин отдал ему окурок. Саня затаился, обжег губы и опять рассеянно спросил:

– Что же делать-то теперь, а? Если взорвется машина, нам всем... – и не договорил.

Впрочем, все поняли и молчали. И в этом молчании младший лейтенант Малешкин почувствовал, что теперь все зависит от него. Он командир, он за все в ответе. Саня закрыл ладонью глаза, стиснул зубы.

– Сержант Домешек, вы сейчас пойдете в машину и достанете ту гранату. Понятно?

Домешек скорее удивленно, чем испуганно посмотрел на командира, словно спрашивая: «Ты что, шутишь, лейтенант?» – и наконец понял, что это не шутка, а приказ.

Он поднялся, опустил руки и тихо по складам проговорил:

– Есть достать гранату.

С минуту он стоял, повесив руки и опустив голову, потом поднял ее, горько усмехнулся и пошел к машине. Когда он уже занес ногу на гусеницу, Малешкина обожгла мысль: если Домешек погибнет, ему тоже не жить. «Так зачем же и ему? Уж лучше один я». И Саня тихо позвал:

– Мишка.

Домешек через плечо посмотрел на командира.

– Вернись.

– Зачем?

– Назад! – грубо оборвал его Саня.

Домешек пожал плечами и вернулся.

– Я сам... Понимаешь, я сам. – Саня отвернулся от наводчика, посмотрел на корявую сосну с перебитой макушкой. – В какой сумке она?

– С левой стороны.

– Какая она?

– Не знаю, лейтенант. Я ее не видел. Когда я увидал в руке чеку, все забыл, ничего не помню, словно по затылку бревном ахнули...

– Значит, в левой?

– Кажется, в левой.

– «Кажется», «кажется»! Должен точно знать, – взорвался ефрейтор. – Лейтенант, давай я ее достану?

– Нет... Я сам.

– Разрешите. Для меня эти гранаты раз плюнуть.

– Ефрейтор! – И Малешкин так посмотрел на заряжающего, что у того сразу отпала охота настаивать. Бянкин посоветовал лейтенанту снять фуфайку.

– Без нее удобнее, – сказал он.

Саня стащил фуфайку, бросил ее на снег, потом снял шапку и тоже швырнул, подошел к машине, вскочил на нее и взглянул в открытый люк. Оттуда на него дохнуло холодом. Он оглянулся на ребят, хотел улыбнуться, помахать им рукой, сказать что-нибудь доброе, но улыбки не получилось, рука не поднялась, и сказал он то, что надо было сказать:

– Отойдите от машины подальше. А то взорвется, и вам будет хана. – Последних слов Саня не хотел произносить, они сами неожиданно соскочили с его губ, и Малешкин почувствовал, что он немеет от страха. – Господи, помоги! – прошептал гвардии младший лейтенант Малешкин и спустил ноги в люк, как в могилу.

Саня не помнил, как он разыскал гранату, как осторожно и цепко ухватил ее за взрыватель и вынул из сумки.

Когда Саня вылез из машины и вытер с лица пот, который был холоднее родниковой воды, он опять увидел мир, огромный и прекрасный, хотя над лесом висело сырое, тяжелое декабрьское небо. Саня поднял вверх гранату и закричал:

– Ребята! Вот она!

Ребята подошли и боязливо покосились на гранату, которую Малешкин так сжал, что побелели пальцы.

– Забрось ее вон туда, в кусты, – посоветовал Домешек.

Но Саня категорически отверг это разумное предложение, сказав, что на взрыв сбегутся и опять припишут батарею ЧП.

– Вставить на место чеку. Вот и все, – сказал Бянкин, – Мишка, давай чеку. – Ефрейтор подул на чеку, обтер об ватник и подступил к командиру.

– Где там дырка?

Малешкин протянул заряжающему руку с гранатой.

– Что же ты зажал дырку? Раздвинь пальцы!

– Не могу. – Саня спрятал гранату за спину.

– Почему? – удивился ефрейтор.

– Боюсь.

Бянкин попытался отобрать у Малешкина гранату.

– Ладно, черт с тобой. Держи крепче взрыватель.

– А ты что будешь делать? – испуганно спросил Саня.

– Ничего. Держи.

Саня не успел сообразить, в чем дело, как Бянкин отвернул от взрывателя гранату.

– А теперь бросай взрыватель.

– Куда?

– В снег. Да чего ты боишься?

Саня бросил. Взрыватель, описав дугу, упал в снег. Все ждали взрыва, а его не было.

– Что за хреновина? – удивленно протянул Домешек.

Бянкин поднял взрыватель, подергал трубку.

– Брак!

Заряжающий с наводчиком принялись дико хохотать, к ним присоединился и Щербак.

Домешек схватил Малешкина за руку:

– Я по этому поводу расскажу анекдот...

Анекдота наводчик рассказать не успел: появился комбат и приказал выводить машину на дорогу.

На другом конце леса, как молотилка, застрекотала самоходка, к ней присоединилась вторая. «Первая батарея уже заводит», – догадался Малешкин и стал торопливо натягивать фуфайку. Затрещал и защелкал мотор командирской машины, и в ту же секунду за кустами взвизгнул стартер и, как пушка, захлопала самоходка Пашки Теленкова. Справа с надрывным воем выползала из ямы машина Чегнички. Сам он пятился перед ней, махал руками, грозил кулаком и показывал пальцем то на одну, то на другую, гусеницу. Теперь весь лес стрекотал, трещал, хлопал, выл... Сизый вонючий дым по стволам искалеченных сосен пополз к такому же сизому сырому небу, смешался с ним, и ничего не стало видно.

Саня, прикрывая лицо руками, стоял перед люком механика-водителя и ждал, когда тот запустит мотор. Стартер визжал, выл, как сирена, а мотор не заводился. Саня в конце концов не выдержал, подскочил к люку.

– Почему не заводится, а? Ты что, меня угробить хочешь?!

– Аккумуляторы сели, – ответил Щербак.

– Отчего ж они сели? Вчера заводили, а сегодня сели?

– Потому что вы всю ночь рацию гоняли! – закричал Щербак.

Саня опешил. Такого он от Щербака не ожидал. Малешкина затрясло от обиды.

– Ты чего валишь с больной головы... Не подготовил машину, а теперь валишь. Ну погоди, я с тобой разберусь, – зловеще прошипел Малешкин.

– Не очень-то, лейтенант, разорайтесь! А что вы все время музыку слушаете – факт, и никуда не погрешь, – заявил механик.

Действительно, против этого факта переть было некуда. Радио он любил и частенько часа по два гонял рацию, хотя знал, что от этого аккумуляторы разряжаются. Саня с тоской посмотрел в глаза механика-водителя. Они от гнева округлились и пожелтели, стали как медные пуговицы.

– Давай еще попробуй, Гриша, – попросил Саня.

Щербак попробовал, и металлический пронзительный звон ударил Малешкина по ушам. Однако мотор не завелся.

– Эх ты, механик-водитель, – простонал Саня.

– Садитесь сами и заводите, – огрызнулся оскорбленный механик-водитель.

Ах, если б Саня умел! Разве бы он не завел? Но Саня не знал мотора и не умел его заводить, в боевой машине за рычагами сидел всего два раза в училище на танкодроме, а то все время упражнялся на учебных да на макетах. Попав на фронт, он целиком доверился механику-водителю. Как в эту минуту он жалел, что так бесшабашно относился к технике! «Выйдем на формировку – не отойду от машины, изучу ее до винтика и научусь водить». Дав себе такой обет, Саня попросил Щербака попробовать в последний раз.

Попробовали, и ничего не вышло. Подошел ефрейтор Бянкин. – Лейтенант, может, воздух попал в систему? – А может, и в самом деле! – Саня ухватился за этот «воздух», как утопающий за бревно, и крикнул наводчику, чтобы тот спустил из топливной системы воздух.

Домешек давно успел все приготовить к маршу. Закрепил пушку, чтоб она не болталась, на казенник натянул чехлы, поудобней приспособил сиденье. И теперь, наблюдая, как Щербак мучается с мотором, злорадно думал: «Так ему и надо». Он не любил Щербака за трусость, лень и наплевательское отношение к машине и твердо был уверен, что это для них когда-нибудь кончится очень печально. Всегда веселый, неунывающий, Мишка Домешек в последние дни скис и почти перестал рассказывать свои анекдоты.

– Мишка, выпусти из системы воздух! Там есть краник, поверни вправо! – кричал младший лейтенант Малешкин. Сам он толком не знал, где этот краник находится, но знал, что он есть и что повернуть его надо вправо.

Наводчик же отлично знал этот краник, и поворачивать его ему приходилось тысячу раз еще до младшего лейтенанта Малешкина. Домешек полтора года сидел в танке. Когда после госпиталя его направили в самоходную артиллерию, он несказанно обрадовался, что наконец-то избавился от «братской могилы четырех» – так называли танкисты свою машину. Но когда его посадили в самоходку, которая почти не отличалась от танка, Домешек, горько усмехнувшись, сказал: «Нельзя желать того, чего не знаешь... На войне как на войне».

Наводчик повернул краник, спустил на днище машины сто граммов газойля. Щербак нажал кнопку стартера, он дзинькнул, и мотор завелся с таким остервенелым хлопаньем, что у Сани чуть не лопнули барабанные перепонки.

Щербак со страшным скрежетом воткнул первую скорость и дал такой газ, что машина пробкой вылетела из ямы. Саня едва успел отскочить в сторону, а Домешек, проклиная дурака водителя, завалился на снаряды.

Малешкин пятился перед самоходкой, показывая Щербаку то на одну, то на другую гусеницу. Спиной дошел он до канавы на окраине леса, перепрыгнул ее и стал обеими руками махать водителю, что означало: «Давай смело вперед, через канаву». Но самоходка стояла перед канавой, а Щербак ожесточенно ругался. Саня бросился к машине.

– Опять? Что?

– Лопнула тяга левого фрикциона.

– Почему же она лопнула? – со слезами на глазах спросил Саня.

– Лопнула, и всё, – ответил Щербак.

– Ну и гад же ты, Гришка! Мерзавец, – сказал Домешек. – «У меня все готово»... Подлец!

Подошел Бянкин и, узнав, в чем дело, мрачно засопел.

– Слушай, Щербак, а ведь ты доиграешься.

– Я виноват, что она лопнула?! – истошно заорал водитель.

– А кто ж? Конечно, ты, – поддержал ефрейтора Домешек. – Ладно, лейтенант. Если что, мы скажем, какой он механик-водитель и как он к машине относится.

– Факт, командир здесь ни при чем, – добавил Осип Бянкин. – А перед наступлением за такие штучки... – И ефрейтор выразительно щелкнул языком.

У Щербака испуганно забегали глаза.

– Вы что, ребята, с ума сошли? Думаете, я ее нарочно сломал? Ей-богу, она сама сломалась!

– Почему же ты перед выездом не проверил, а доложил лейтенанту: «Все готово»? – спросил Домешек.

– Да, почему ты доложил: «Все готово»? – повторил Саня.

– Ну что вы на меня все навалились? Подумаешь, тяга! Да я ее сейчас, в одну минуту... Одну минуту, и поедем, товарищ лейтенант. – Щербак выскочил из машины, забегал вокруг нее, с грохотом открывая ящики с инструментом, бросился назад, к яме, где раньше стояла самоходка, и вернулся с толстым концом проволоки.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.